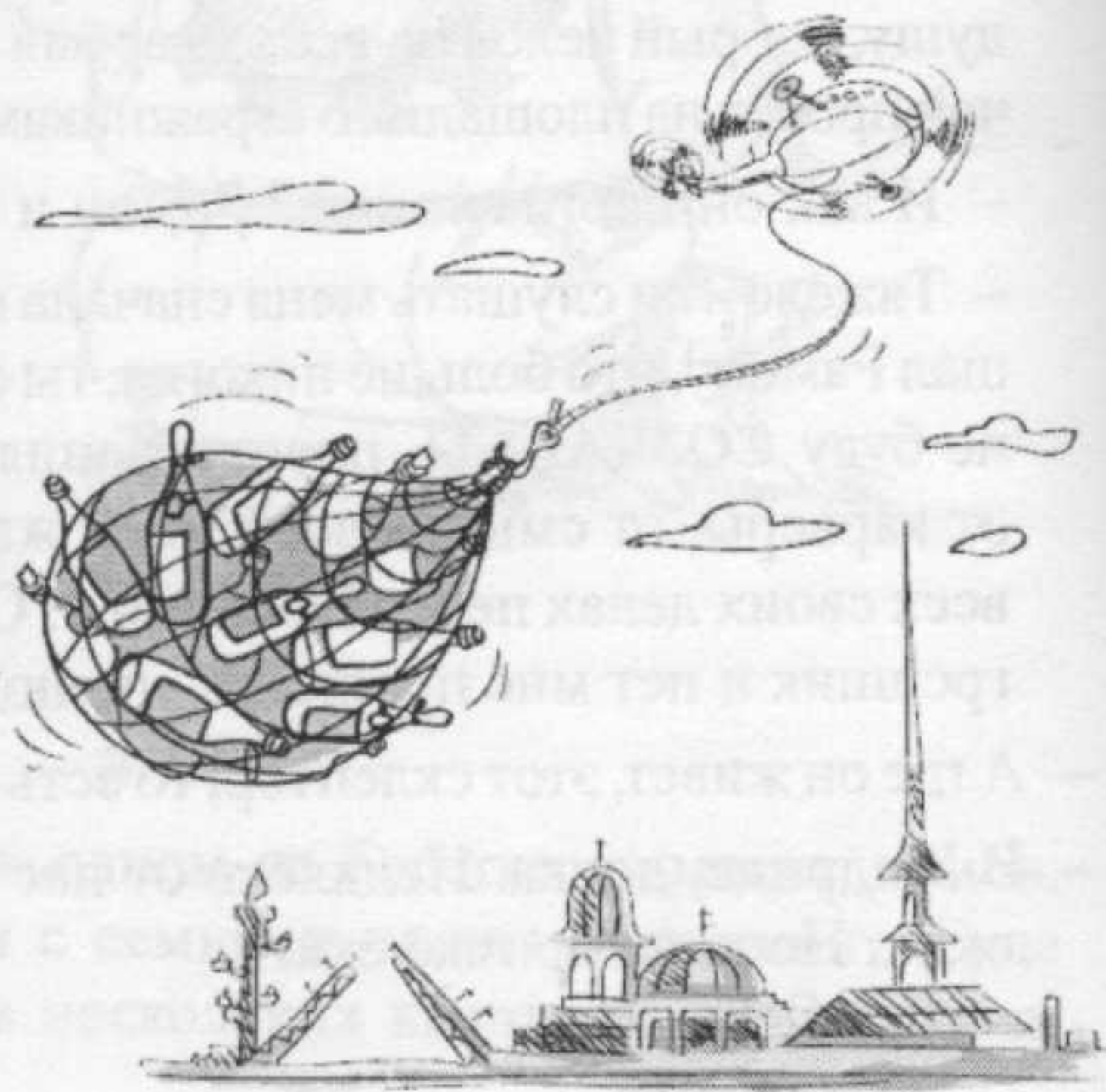

ДОБЫТЧИКИ

Это небольшое приключение произошло с нами, тогда казанскими студентами, в далеком 1973 году. Дело было в сентябре, может быть, в начале октября – сие не суть важно. В общаге номер три Казанского авиационного института компания из дюжины заматерелых и загорелых стройотрядовцев, только что получившая расчёт за трудовое лето, отмечала это самое дело. Ну, и кроме стройотрядовцев, проявили солидарность несколько примкнувших друзей.

Заводилой был Кубанец (кликуха Серёги Лебедева за то, что родом из Лабинска, из кубанских степей), который подобные мероприятия мастерски умел организовывать, придумывая всякие несуразицы как повод: то козявку дохлую на ниточке подвесит и призывает Ее проводить в последний путь, то ещё что нибудь. Всем было весело, всем было хорошо и душевно. Но где то к одиннадцати вечера, когда уже все магазины были закрыты, как водится, понадобилась добавка. Послали двух Серёг-меня и комиссара Жюва (такое у второго Серёги было прозвище из за его пристрастия изображать из себя секретика и всякие шпионские штучки) раздобыть три-четыре бутылки в ближайшем ресторане. Наказали возвращаться только с победой и денег не жалеть – потом, мол, скинемся и все расходы возместим. И мы действительно не пожалели, ибо карманы были

полны в тот вечер у всех празднующих. Шура Балаганов (не смеётся, это не прозвище – просто фамилия почти со-... – он по паспорту Балабанов) вручил нам солидный обшаренный портфель, заботливо заполненный трусами и носками – чтоб предохранить ценный груз от случайного повреждения – и мы отправились.

Сначала мы сунулись в ближайший ресторан, впрочем, не был и единственный на всю округу в нашем районе, в трёх кварталах от общежития – но он оказался закрыт на ремонт! Идти пешком до «Акчарлака» (большой известный казанский ресторан в пяти трамвайных остановках от нашей общаги) нам было в лом, и мы двинулись куда поближе – в аэропортовский ресторан. Надо отметить, что тогдашний аэропорт в Казани находился от нас ну прямо совсем рядом, в пятнадцати минутах ходьбы, если знать, конечно, где искать дорожку через пустыри и стройплощадки. Скорым шагом и вприпрыжку, взбодрённые выпивкой и осознанием огромной важности своей миссии, мы буквально через десять минут были уже в аэропорту. И – вот невезуха! – та же самый ресторан тоже оказался закрыт! На технический перерыв до трёх ночи!

Затуманенные мозги подсказали нам авантюрный ход: а слетаем ка мы в Ульяновск и купим там! Лететь то всего полчаса, деньги есть, да и студенческие билеты при себе – скидка пятьдесят процентов! Подошли к кассе – народу никого! Но и самолёт в Ульяновск только через полтора часа! Столько ждать у нас терпения не было; мы, как могли, объяснили кассирше, что нам хочется погулять, сунули ей под очумелые очи свои студенческие билеты и попросили отправить нас куда угодно (только не очень далеко!) ближайшим рейсом. «Куда угодно» оказался Ленинградом. Вот оно, неожиданное чудо! Билеты со скидкой по девятнадцать рублей, вылет через двадцать минут! Бегом на посадку!

Подремав в самолёте пару часов и слегка протрезвев, мы вышли на трап и глянули в ночное балтийское небо. О том,

что натворили, ничуть не жалели – посмотрим новый город, поудивляемся – раз уж прибыли, не терять же зря время! Сообразили, что неплохо было бы сразу взять обратные билеты – и взяли! – естественно, не на ближайший рейс, который улетал через час (наверно, тот же борт, на котором мы прилетели), а на час дня с чем то. В общем, у нас в распоряжении теперь было десять полновесных часов в северной столице! Ну, если вычтешь дорогу из Пулково в город и обратно, то восемь. Тоже недурно. Сели в экспресс до центра и в нем подремали ещё минут сорок – не знаю точно, сколько он там ехал. На конечной нас разбудил водитель (очень вежливо, между прочим!), когда уже все остальные пассажиры покинули автобус.

Надо заметить, что оба мы с комиссаром Жювом были в легендарном городе первый раз, если иметь в виду сознательный возраст. То, что нас сюда когда то в глубоком детстве возили родители, не считается – все равно не запомнилось ничего, кроме большого каменного дома с двором – колодцем и песочницы во дворе. Вследствие этого нам было очень и очень любопытно! Кровь бурлила, мы были молоды, азартны и беспечны.

Ещё в аэропорту, когда мы брали обратные билеты, я прихватил со стойки карту города – их там была целая стопка – и, ориентируясь по ней, мы выбрались на Невский. Пройдя пару кварталов и ещё раз сориентировавшись, мы врубились, что идём не в ту сторону, куда хотели. А хотели мы на Дворцовую площадь и к Зимнему. Развернулись, пошли куда надо. Была, можно сказать, ещё глухая ночь, или раннее утро – четыре с небольшим часа. Прохладно, но мы не мёрзли, ибо хмель ещё не прошёл, да и быстрый шаг согревал. А когда мы вошли в эту арку и увидели за ней пустынную площадь со скупой подсветкой и столбом посередине, и ещё дальше – Зимний дворец, мы натурально бросились бегом в атаку, изображая из себя революционных матросов! Кричали «ура», резвились, петляли, сбегались

и разбегались, в общем, дурачились, и никто нас не оставил. Там просто и не было никого!

Запыхались, добежав до Зимнего – большая она все таки, Дворцовая площадь! Передохнули, обошли дворец слева и попали на набережную Невы (а может, и не Невы, но река какая то была. Большая). Прошлись шагом, бегать расхотелось уже – красиво! Небо посветлело, алая полоска появилась на горизонте – если можно горизонтом назвать ломаные контуры зданий – и стала шириться с каждой минутой. Петляя то вправо, то влево, огибая кварталы и кружа, как тараканы по незнакомой кухне, мы ушли от реки и снова выбрались на Невский, где, неспешно дефилируя куда глаза глядят, и о, чудо! – вдруг обнаружили уютную открытую кофейню, в которой уже сидел народ! В такую рань, шесть утра! Нам это было в большую радость – и горяченького попить, и перекусить чего... Заказали, сели, расслабились... И тут случилось ещё одно чудо – планида нас баловала сегодня, как могла, не скупясь на сюрпризы. А чудо это заключалось в том, что я нашёл во внутреннем кармане куртки записную книжку с адресами и телефонами.

Надо сказать, на тот момент мы были хоть и студентами, но с момента окончания школы (у меня, по крайней мере) прошло всего два с небольшим года, и поэтому связь со своими одноклассниками я тогда ещё поддерживал очень радостно, ревностно и добросовестно: писал открытки к праздникам в разные города и внутренне гордился, что ребята из моего класса расползлись по всей огромной стране и осваивают её. В записной книжечке аккуратно и тщательно были записаны все известные мне адреса и телефоны. Я помнил, что среди них были и ленинградские. И вот, лихорадочно листая странички, я нашёл её! – нашу красавицу – замечательную, знаменитую не только в школе, но и во всем районе спортсменку – Наташу Скворцову!

И адрес, и телефон на месте. Телефон общежития института физкультуры имени Лесгафта. Ура! Звонить решили не

раньше семи утра, чтобы не всполошить Наташу до пробуждения и не разозлить вахтёршу (телефончик то наверняка у неё на столе!), а пока надо было почти час времени где то убить. Выйдя из кафе, мы этот час пожалели и убивать просто так не стали, а пошли пешком через утренний город в направлении Наташкиного общежития, разинув рты (это образно говоря) и озирая архитектурные шедевры (да и просто дома) города. Все нам казалось Европой, которой мы никогда не видали, все лучилось и сверкало в наших глазах провинциалов удивительной красотой, и даже от самых простых домов веяло роскошью и величием.

В этом занятом «кинозале» время пролетело незаметно, и в семь утра, находясь уже рядом с Наташкиной общагой, мы звякнули по записанному в книжечке телефону. Как и предполагалось, ответила вахтерша, но никак не предполагалось, что она окажется такой вежливой и доброжелательной! Просто фея какая то! Нашим бы казанским ведьмам с неё хоть немножко человечности наскрести!

В общем, через пять минут Наташа уже всю щебетала со мной: «давай – давай, конечно, заходите, ты что!!! У меня полтора часа до начала занятий, – много успеть можем! Ой, как здорово! Даже не верится!»

Ещё через десять минут мы, не забыв поблагодарить обходительную вахтёршу и передав ей «на сохранение» наши студенческие билеты (тогда такие порядки никого не удивляли, и на вахте оставляли обычно документ), прошли на третий этаж и постучали в нужную дверь, которая тут же моментально открылась.

Галантный Жюв поспешил меня опередить и мгновенно приступил к расшаркиванию: «Доброе утро, Наташа! Разрешите...»- и подавился комплиментом. Потому что на нас глядела яркоглазая зубастая и симпатичная шоколадная мордашка, но это явно была не Наташка! Это была юная

негритянка, худенькая, как бритва, и грациозная, как газель. Столькими и как будто даже не негритянскими чертами лица.

«Я не Наташа – молвила она чудным голосом на нашем родном языке, с некоторым интригующим акцентом, – я Рукия. Ахмет Мохаммед Рукия, из Сомали, учусь с Наташей в одной группе. А она сейчас выйдет, она в ванной! Мы же не ожидали, что вы так скоро!»

Что то нас удивило не меньше, чем вид сомалийской спортсменки, но мы сообразили и поняли, что именно, много позднее: ванна! Ванна в комнате общежития! Это капец! Это плод разнузданного воображения! Расскажем в нашей общаге мужикам – не поверят! У нас то всего-навсего душ в подвале на пять кабинок, совмещённый с прачечной, – и это на всю общагу! Вечно там очередь, ночью и то не всегда свободно... А здесь вон что! Стольный град, однако!

«Проходите, присаживайтесь! – Рукия продолжала как ни в чем ни бывало играть роль гостеприимной хозяйки – чаёк уже вскипел! Или, может, кофе пожелаете?»

А мы с Жювом – пока проходили, садились, устраивались за махоньким низким столиком – все глазели на Рукию, и получалось так, что головы наши были неподвижны, а туловища под ними с руками и ногами вертелись, поворачивались и изгибались в разные стороны, то есть головы жили своей жизнью, а всё остальное – своей. Этакое два мима с неподвижным верхом. Никак мы не могли отцепить глаз от неё, и всё тут! Смогли только тогда, когда из ванной показалась Наташка в халате и с тюрбаном на голове. На мой взгляд, со школы она ничуть не изменилась, о чем я ей и поспешил заявить, опередив на этот раз галантного Жюва. Он тоже, конечно, расшаркался изысканно, но позже.

Попив с хозяйками настоящего индийского чая, мы ещё минут пятнадцать ждали в коридоре, пока девушки оденутся, и затем вместе с ними вырулили на улицу, не забыв забрать у вахтерши свои студенческие. Прыгнули в автобус – пешком уже некогда было разгуливать – и поехали в сторону центра.

Мы с Жювом оба расплывались в улыбках до ушей, поглядывая то друг на друга многозначительно, то на Рукию — с восторгом. Наверное, оба жалели, что нет с собой фотоаппарата — ну, да кто ж знал?

Радость наша, откровенная и ребяческая, была недолгой — сразу после выхода из автобуса шоколадная Рукия нас покинула, торопясь по своим делам, и на прощание одарила такой ослепительной голливудской улыбкой, что стало тепло просто физически. Как будто солнышко внезапно пригрело!

И остались мы с нашей красавицей спортсменкой Наташей Скворцовой под хмурым осенним небом северной Пальмиры. Она, Наташа, чисто женской интуицией почувствовала наше грустное состояние и немедленно взяла нас под руки, соорудив «тройку» из себя «коренной» и двоих нас, «пристяжных»:

— Так! Время не теряем, вперёд! Радуйтесь, что вам крупно повезло — дождя нет! Обычно моросит всю дорогу... да и сегодня будет — после нашей прогулки! Ха — ха — ха!

Она сводила нас к Медному Всаднику, потом к крейсеру «Аврора», к мосту, где «клюдтовы кони», и (женщина ведь!) в Гостиный Двор, где мы и провели последние десять минут перед расставанием... Экскурсия была очень короткой и предельно насыщенной — Наташа шла быстрым спортивным шагом, и мы едва за ней успевали, задыхаясь, пыхтя, но не сдаваясь.

Распрощавшись и не забыв передать огромный привет Ахмет Мохаммед Рукие — Наташа уже торопилась на занятия — мы успели до отъезда в аэропорт сделать ещё два необходимых дела: заскочили на почту, где отправили в свою общагу на имя то ли Кубанца, то ли Кисы (не помню точно) великолепную открытку с видом города на Неве и со своими автографами на обратной стороне, и ещё посетили гастроним, в котором затарили вручённый нам Шурой Ба-

лгановым портфель самой лучшей водкой, которую узрели на витрине.

Вернулись в общагу мы через восемнадцать часов после своего отбытия, то есть около пяти вечера, с шестью бутылками отборной питерской пшеничной — и оказалось, удивительно вовремя! — вся компания, переделав свои дневные студенческие дела, как раз собралась в той же самой комнате для продолжения банкета! Нас с Серегой встретили сначала со смехом: явились де добытчики — невезунчики! (И как, мол, вам там, в вытрезвителе, спалось?), потом, когда мы извлекли из портфеля водку — с восторгом, но нас это радовало не очень, ибо всё портило одно мелкое, но пагубное обстоятельство: в то, что мы были в Ленинграде, не поверил НИКТО! Ни Киса, ни Кубанец, ни Шура Балаганов! Потом то мы доказали своё — всякими чеками, сувенирами и посадочными талонами, да и открытка через пару дней пришла по почте, но сразу — не поверил ни один человек! Эх, ребятки, не хватило в вас воображения и романтики!...

И стройотрядовский банкет пошёл на второй круг.

До начала съёмок знаменитого фильма «Ирония судьбы, или с лёгким паром!» оставалось чуть больше года...